

исследователей могут быть разрешены многие спорные и неясные вопросы жизни и творчества Радищева, в особенности те вопросы, которые могут быть правильно освещены при помощи документов, хранящихся в заграничных архивах и библиотеках.

Так, прежде всего необходимо:

1) выяснить более точно, кто был тот «таинственный» профессор Шмидт, чьи лекции о морали слушали русские студенты, попытаться найти какие-либо сведения о содержании его лекций;

2) предпринять попытку обнаружить в Архиве Лейпцигского университета студенческие сочинения Радищева и других студентов, представленные ими на экзамене летом 1769 года;

3) расширить сведения о связях Радищева, постараться установить связи, существовавшие между русскими и немецкими студентами; для этого могут быть привлечены архивные материалы и мемуарные источники;

4) привлечь книжную и журнальную продукцию 1767—1771 годов. Фронтальный просмотр немецких журналов за эти годы позволит проверить имеющиеся у нас сведения о том, что русские студенты, находясь в Лейпциге, печатали в немецких журналах свои статьи. Так, в частности, Н. Новиков в своем «Опыте исторического словаря» сообщает, что А. Рубановский, друг Радищева, учившийся вместе с ним в Лейпциге, «сочинил на немецком языке рассуждения: 1) о свойствах нейтралитета; 2) о размножении народа; также перевел с французского на немецкий язык из сочинений г. Волтера рассуждение о человеке, поэму на разрушение Лиссабона и оду славного Томаса о должностях общежития, из коих некоторые напечатаны в Лейпциге 1771 года»¹⁸ (курсив наш, — М. А.).

¹⁸ Н. И. Новиков. Опыты исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, стр. 193.